

Последние два дня Шэнь Нянь не показывался дома, отлеживаясь у Лян Цю. О Шэнь Чуншане тот больше не заикался. Даже вернувшиеся на следующий день Су Сяосяо и Лян Чуньчао не стали задавать лишних вопросов — делали вид, будто Шэнь Нянь, как и раньше, просто пришел к ним погостить. Не расспрашивали они и про перебинтованные руки; только готовили вкусную еду и всячески опекали, пытаясь снять с его души хоть каплю тяжести.

Шэнь Нянь и сам про себя признавал, что душой прирос к дому Лян Цю. Здесь витало редкое ощущение тепла и покойной надежности. Но как бы тут ни было хорошо, чужой очаг своим не сделаешь. За два дня он успел перевести дух, привести мысли в порядок, и теперь пришла пора уходить.

После уроков Шэнь Нянь не пошел вместе с Лян Цю, как делал обычно. Лян Цю окинул его долгим взглядом и, прежде чем друг успел раскрыть рот, догадался:

— Домой собрался?

Шэнь Нянь едва заметно улыбнулся:

— Не вечно же мне у тебя сидеть.

— Сколько раз повторять? — поморщился Лян Цю, всем видом выражая недовольство. — Мой дом — твой дом.

[0017] — Учитель Сун уже передал мне бланк заявления на общежитие. Надо отнести отцу, чтобы расписался, — возразил Шэнь Нянь. — [0017] — Учитель Сун уже передал мне бланк заявления на общежитие. Надо отнести отцу, чтобы расписался, — возразил Шэнь Нянь. — Рано или поздно [0017] — Учитель Сун уже передал мне бланк заявления на общежитие. Надо отнести отцу, чтобы расписался, — возразил Шэнь Нянь. — Рано или поздно возвращаться всё равно пришлось бы.

Решение перебраться в общежитие созрело за эти два дня. Оставаться у Лян Цю до бесконечности он не мог, но и вступать в отношения Гу Чжи с Шэнь Чуншанем желания не было ни малейшего. Выход оставался один. Прежде Шэнь Нянь тоже подумывал об этом, но останавливала мысль: пускай в доме кроме него никого нет, это всё же дом, и Шэнь Чуншаню, когда тот возвращается, не придется переступать порог пустой, остывшей конуры. Но теперь отец никуда не уезжает. Рядом с ним Гу Чжи.

И он, Шэнь Нянь, стал лишним.

— Я пойду с тобой, — отрезал Лян Цю.

— Не нужно, — улыбнулся Шэнь Нянь. — Угоришь мотаться туда-обратно на ночь глядя. Давай лучше на выходных: придешь и поможешь мне перетащить вещи.

Лян Цю всё ещё хмурился от беспокойства, но Шэнь Нянь уже развернулся и пошагал к остановке за воротами школы.

Его велосипед после той подстроенной Гу Чжи аварии восстановлению не подлежал. Впрочем, теперь это не имело значения: в общежитии колеса ему больше не понадобятся.

Сумерки уже густели, когда Шэнь Нянь переступил порог дома. Внутри царил мертвая тишина; судя по застоявшемуся холоду, эти дни здесь никто не появлялся — скорее всего, отец с Гу Чжи всё ещё оставались в больнице. Няня это мало трогало. Он прошёл в свою комнату, навел беглый порядок, а почувствовав голодный призыв в животе, отправился на кухню. В холодильнике было шаром кати, а тащиться за продуктами не хотелось. Он решил просто вскипятить воду и разогреть пару черствых пампушек-маньтоу. Но не успел он чиркнуть спичкой, как занавеска на входе приподнялась, и в кухню вошла бабушка Цинь.

— Бабушка, — окликнул ее Шэнь Нянь.

— Слышу, во дворе шум. Дай, думаю, гляну, не ты ли вернулся, — старушка бросила взгляд на пампушку в его руке и недовольно нахмурилась: — Это ещё что за сухоядение? А ну пошли ко мне. Я как раз тушеную свинину хуншаороу приготовила, только с огня сняла. Посидишь со мной, поужинаешь.

Чиниться Шэнь Нянь не стал и просто кивнул:

— Хорошо.

Бабушка Цинь повела его за собой, осторожно придерживая под локоть, чтобы случайно не задеть раненую кисть.

— Авария?

То, что старуха в курсе их происшествия с Гу Чжи, Шэнь Няня ничуть не удивило. Если они оба пропали на несколько дней, в Тростниковом переулке мгновенно поползли бы слухи. Да и Шэнь Чуншань за эти дни наверняка забежал домой. Соседи прознали обо всём первыми.

— Угу, — отозвался Шэнь Нянь. — Да уже заживает, ерунда.

— Заживает у него! Забинтовали-то эвон как, — вздохнула бабушка Цинь, вводя его в свой уютный дворик. — Уроки-то эти дни, небось, и писать не мог?

— Учителя разрешили пока не сдавать, — с легкой улыбкой успокоил её Шэнь Нянь. — Хоть какая-то передышка.

Бабушка Цинь молча провела его в дом. Едва переступив порог, Шэнь Нянь вдохнул густой, сшибающий с ног аромат тушеной свинины, и его пустой желудок тут же откликнулся громким урчанием. Старушка лишь расплылась в улыбке:

— Садись скорей, я сейчас всё накрою.

Шэнь Нянь было дернулся подсобить, но бабушка Цинь строго замахала руками:

— Не зли меня! Сказано садись — значит садись. Свой же, чай, не чужой, чего выкаблучиваешься?

Понимая, что она просто боится за его поврежденную руку, Нянь спорить не стал и послушно опустился на стул. Вскоре перед ним появилась дымящаяся пиала.

— Спасибо, бабушка.

— Ешь давай, не болтай, — добродушно ухмыльнулась старушка.

Готовила бабушка Цинь изумительно. Свинина получилась сочной, в меру жирной и буквально таяла во рту. Шэнь Нянь умял две полные пиалы риса. Старушка, глядя на его отменный аппетит, сияла от счастья: в её годы нет большей радости, чем видеть, с каким удовольствием молодежь уплетает твою стряпню.

— Раз вкусно, заходи теперь каждый день, я тебе свеженького настряпаю.

Шэнь Нянь замер с поднятыми палочками. На мгновение в комнате повисла пауза. Он смотрел на старушку, не зная, как подобрать слова. Бабушка Цинь, чуткая к малейшим переменам в его настроении, пристально всматривалась в его лицо, пока её глаза печально не потеплели:

— Что, Сяо Нянь... не часто теперь дома появляться будешь?

Горло сжало от тоски, но таиться смысла не было. Не скажи он сейчас, всё равно пришлось бы прощаться перед самым отъездом.

— Бабушка, я подал заявление на общежитие.

В глазах старухи мелькнула глубокая грусть, проскользнула тень одиночества, однако она без колебаний кивнула:

— И правильно. Если дома тебе не сладко, а в школе душе спокойнее будет — так тому и быть. Хорошее дело. Я только за.

Шэнь Нянь пододвинул табуретку ближе и накрыл своей ладонью сухую, сплошь изрезанную морщинами руку старушки:

— Как перееду, уже не смогу заходить каждый день. Вы тут одна, берегите себя, бабушка. Я оставлю вам номер телефона. Если что случится — сразу звоните, я тут же приеду.

— Ну вот ещё, не придумывай, — ласково улыбнулась бабушка Цинь и погладила его по щеке суховатой ладонью. — Жива я и здорова. Ты главное сам держись, а у меня всё ладно будет. Не суши себе голову, тут соседей полно, пропасть не дадут. Ты в школе учись как следует, а как тоска нападёт — возвращайся. Бабушка снова тебе чего-нибудь эдакого приготовит.

— Договорились, — тихо отозвался Шэнь Нянь.

Он попытался хотя бы посуду вымыть, но бабушка Цинь строжайше запретила, беспокоясь за перебинтованную кисть. Покорно усевшись обратно на табурет, Нянь ещё немного поболтал со старушкой, а потом, вспомнив кое-что, поднялся и подошёл к старому телевизору.

Рядом стоял простенький VCD-плеер. Шэнь Нянь сам перетащил его из своего дома пару лет назад. Отец с утра до ночи пропадал на заработках, Няню проигрыватель был без надобности, а бабушка Цинь вечно коротала дни в одиночестве. За последние три года её собственные дети не показывались ни разу. Если не считать редких пересудов с соседками, жизнь старухи текла в глухом, тягучем безмолвии.

Как-то раз, зайдя к ней, Нянь застал её сидящей на завалинке: она просто уставилась на воробьёв на ветке и даже на оклик отозвалась далеко не сразу. В тот же день Шэнь Нянь притащил отцовский пылящийся проигрыватель, подключил его к пузатому телевизору, съездил в прокатный киоск за дисками с традиционной оперой и терпеливо, раз за разом, выучил старушку нажимать нужные кнопки.

Бабушка Цинь страсть как любила пекинскую и шанхайскую оперу. Раньше, в деревне, каждый год созывали актеров; она приходила к подмосткам первой всех, а уходила последней. За последние годы бродячие труппы устраивать представления перестали, и слушать стало нечего. Когда же Нянь принес плеер, в её домике наконец зазвучали живые голоса, и тягостные, бесконечные часы ожидания заката перестали казаться пыткой.

Шэнь Нянь перебрал коробочки с дисками:

— Бабушка, вы эти уже досмотрели? Могу сходить в прокат, поменять.

— Не надо, милый, — отозвалась старушка. — Эти, что ты в прошлый раз принес, уж больно

душевные. Я их ещё послушаю.

— Хорошо, — кивнул Шэнь Нянь. — Тогда как вернусь в следующий раз, принесу свежих.

Старики ложатся рано, и Шэнь Нянь, не желая задерживать бабушку Цинь, вскоре раскланялся. Старушка проводила его до калитки и ушла к себе лишь после того, как за ним закрылась дверь родного дома.

Благодаря бабушке Цинь на душе у Няня стало тепло и легко. Он-то думал, что раз дома темно и тихо, то отец с Гу Чжи застряли в больнице и сегодня уже не вернутся. Но, войдя во двор, увидел свет в окнах северного флигеля. За занавесками отчетливо вырисовывались два силуэта.

Они по-прежнему прекрасно ладили. Шэнь Нянь замер посреди двора, слушая долетавшие сквозь стекло приглушенные взрывы смеха.

Октябрьская ночь дышала уже ощутимым холодом. Постояв немного, Нянь шагнул на крыльцо. Из комнаты Гу Чжи как раз выходил Шэнь Чуншань; не ожидая встретить сына, отец застыл в дверном проеме, смешавшись. Шэнь Нянь же остался абсолютно бесстрастен.

— Папа, — ровным тоном произнес он.

Шэнь Чуншань вздрогнул, выныривая из оцепенения, и суматошно отозвался:

— А... Сынок. Ты чего так поздно?

— Был у бабушки Цинь.

Бросив эту фразу, Шэнь Нянь прошел в свою комнату. Он не стал разглядывать растерянное лицо отца и не обратил внимания на пристальный, прожигающий спину взгляд из-за полуприкрытой двери.

Оказавшись у себя, он сбросил куртку. Стягивая рукав, случайно задел ссадину на кисти; бровь дернулась от вспышки боли, но Нянь не издал ни звука. Повесив куртку, он распахнул платяной шкаф. Общежитие дадут не завтра, однако учитель заверил, что к следующей неделе место освободится. Самое время начинать собираться.

Далеко из дома Шэнь Нянь никогда не уезжал, так что чемодана у него не водилось. Но Лян Цю обещался одолжить свой и привезти его на выходных.

Он достал вещи, которые планировал взять с собой, и аккуратными стопками выложил на письменный стол — все равно из-за раненой руки писать уроки в ближайшие дни он не мог, так

что место пустовало. Едва он аккуратно сложил пару кофт, как в дверь постучали. Шэнь Нянь подошел и потянул ручку на себя.

На пороге стоял Шэнь Чуншань. А за его спиной — Гу Чжи.

Левая рука парня была закатана в гипс и подвешена на косынке через шею. Выглядел он жалко и беспомощно, однако никто на свете не знал лучше Шэнь Няня, какая бездна безумия кроется за этим невинным видом.

Этот мальчишка не боялся даже смерти.

— Сяо Нянь... — замялся Шэнь Чуншань. — Мы с Сяо Чжи пришли, чтобы...

Голос отца осекся. Вытаращившись на стопки одежды на столе и кровати, он изумленно выдохнул:

— Сяо Нянь, ты зачем вещи разбираешь? Постирать надо? Так оставь, я завтра дома буду, сам всё выстираю.

Шэнь Нянь понятия не имел, за чем именно они приперлись, хотя по заискивающим, виноватым интонациям отца угадывалось желание извиниться. Вот только никакие извинения Няню были не нужны. Ему даже слушать их не хотелось.

Проигнорировав вопрос, Шэнь Нянь помедлил секунду, затем развернулся, подошел к портфелю и расстегнул молнию. Достав официальный бланк и шариковую ручку, он вернулся к дверям и протянул их Шэнь Чуншаню:

— Папа, распишись вот здесь, пожалуйста.

Отец недоуменно принял листок, пробежал глазами знакомые иероглифы и растерянно спросил:

— Это еще что такое?

Гу Чжи тоже увидел заголовок документа. Шэнь Нянь отчетливо заметил, как в глубине его глаз вспыхнул торжествующий огонек. Никакое притворство не способно было скрыть этой дикой, ликующей радости — радости человека, достигшего цели. Результат, вырванный ценой смертельно опасного, безумного риска.

Что ж, у него имелись все поводы для ликования.

Отвернувшись от пасынка отца, Шэнь Нянь посмотрел Шэнь Чуншаню прямо в глаза:

— Я подал заявление на общежитие. Нужна подпись родителей.

Шэнь Чуншань отлично понимал, что держит в руках. Но одно дело — видеть бумагу, и совсем другое — услышать решение из уст собственного сына.

— Я не соглас...

— Папа, — перебил его Шэнь Нянь абсолютно спокойным, не допускающим возражений тоном.

— Просто подпиши.

Шэнь Чуншань онемел. Он долго вглядывался в лицо сына, пока наконец с трудом не выдавил:

— Сяо Нянь... Отец виноват перед тобой. Я не должен был набрасываться на тебя, не разобравшись... и уж тем более... поднимать на тебя руку. Я был неправ. Обещаю, я исправлюсь. И Сяо Чжи всё понял, он тоже пришел попросить у тебя прощения.

Гу Чжи сделал шаг вперед, выступив из-за спины мужчины. Подойдя почти вплотную, он снизу вверх взглянул на Шэнь Няня и тихим, покорным голосом произнес:

— Брат Няньнянь, я был глупым и поступал скверно. Прости меня.

Лицо Шэнь Няня оставалось каменным. Подержав на мальчишке холодный взгляд пару секунд, он перевел взор на отца:

— Папа, к чему весь этот спектакль с его извинениями?

Шэнь Чуншань оглянулся на пасынка:

— Я обо всем переговорил с Сяо Чжи. Он признался, что действительно вытворял с тобой всякие пакости и обижал тебя. Всё, что ты говорил — правда, он сам подтвердил. И аварию эту... он устроил нарочно. Но пойми, сынок, глупый мальчишка просто смертельно боялся, что я от него откажусь! Боялся, что ты его невзлюбишь и выставишь на улицу, вот и глумил от страха... Больше такого не повторится, я строго-настрого запретил ему так делать. Теперь у нас всё будет хорошо.

Шэнь Нянь никак не ожидал, что Гу Чжи с потрохами сдаст сам себя. Бог весть, какими именно словами тот описывал свои подвиги, но факт оставался фактом: он признался. А реакция Шэнь Чуншаня точь-в-точь совпала с догадками Няня. Никаких криков, никаких наказаний или гнева — наоборот, безграничное сочувствие и готовность окружить «бедного травмированного ребенка» еще большей опекой, каковой тот был обделен в прошлом.

Впрочем, какая разница? Ему было уже глубоко плевать.

— Замечательно, — ровно проговорил Шэнь Нянь.

Шэнь Чуншань просветлел лицом:

— Ну а раз так, то и общежитие...

— Папа, — перебил его сын. — Я съезжаю.

Улыбка на губах отца мгновенно погасла, уступив место глухой досаде:

— Сяо Нянь, да что с тобой такое?! Мы же с Сяо Чжи осознали свои ошибки, пообещали всё исправить! Разве плохо жить одной нормальной семьей? К чему эта блажь с переездом?

Гу Чжи тем временем словно невзначай отступил на шаг за спину мужчины — туда, откуда Шэнь Чуншань не мог его видеть, зато Шэнь Нянь замечал каждый нюанс. В его фальшиво-умоляющем, жалеющем самого себя взгляде читалась прозрачная, ядовитая угроза: «Если не уберешься отсюда, я продолжу тебя изводить».

Шэнь Нянь не отрывал взгляда от лисенка:

— Папа, если бы не ты, я ушел бы в общежитие ещё в седьмом классе. Мне так будет куда удобнее. Дома я всё равно вечно сижу один, а в общежитии хотя бы ребята рядом. Раньше я оставался только ради того, чтобы ты не возвращался в пустой дом. Но теперь с тобой Гу Чжи. У меня на носу выпускные экзамены, и я не хочу убивать кучу времени на дорогу.

— Подпиши, — повторил он. — На выходные я буду приезжать.

Шэнь Чуншань долго вглядывался в каменное выражение лица сына, внезапно осознав, насколько плохо он знает собственного ребенка. Но, невзирая на это, в жестком взоре Няня читалась такая стальная непреклонность, что становилось ясно: он всё равно уйдет, с подписью или без.

Отец мельком косился на Гу Чжи. Вспомнив сбивчивое откровенное признание пасынка в больнице, Шэнь Чуншань подумал, что расселить парней по разным углам, пожалуй, действительно к лучшему.

Тяжело вздохнув, он приложил бланк к косяку и вывел размашистую подпись в графе для родителей. Забрав бумагу, Шэнь Нянь уже открыл рот, чтобы выдать сухое «спасибо», но Шэнь Чуншань неожиданно цапнул его за правое запястье:

— Это еще что такое?! Где ты так руку разворотил?

Шэнь Нянь равнодушно скользил взглядом по плотной повязке, а затем плавным, ненавязчивым движением высвободил кисть и опустил её вдоль тела.

— Ударился по неосторожности, — ответил он буднично. — Уже зажило.

Разрешение было получено, но мгновенно заселиться в общежитие не представлялось возможным — требовалось продержаться дома еще пару дней.

Шэнь Нянь всегда просыпался ни свет ни заря и поднимался первым. Однако на следующее утро его опередили. Шэнь Чуншаня в северном флигеле не оказалось, зато Гу Чжи уже примостился на низеньком табурете у самого порога и бездумно глазел во двор.

Мазнув по нему безразличным взглядом, Шэнь Нянь прошел в умывальницу.

Ссадина горела огнем и заживать не спешила. Бесконечные нотации Лян Цю успели нагнать на него почти панический страх перед водой: казалось, стоит хоть капле намочить повязку, и конечность придется ампутировать. Но если в школе и у друга тот заботливо подавал все вещи, то здесь приходилось справляться самому.

Шэнь Нянь пустил воду из крана, почистил зубы и неуклюже попытался умыться одной рукой, когда за спиной послышались шаги. Почувствовав присутствие Гу Чжи, Нянь даже не повернул головы. Лишь когда он потянулся за вешавшимся на крючке полотенцем, Гу Чжи опередил его, подавая сухую ткань. Шэнь Нянь молча принял полотенце и вытер лицо.

— Спасибочки, — с еле уловимой ехидцей протянул Гу Чжи. — Теперь дядя Шэнь только мой.

Шэнь Нянь аккуратно повесил полотенце на перекладину, мельком взглянул на свое отражение в мутном зеркале и негромко спросил:

— И как, доволен результатом?

— А я-то думал, ты спросишь, какими сказочками я усыпил бдительность дяди Шэня, когда во всем признавался, — фыркнул Гу Чжи с ядовитой улыбочкой. — Предела совершенству нет, но сойдет. Меня устраивает.

Шэнь Нянь повернулся к нему лицом:

— Что ж, поздравляю с исполнением желаний. И скорейшего поправления.

Он вознамерился выйти, но Гу Чжи ловко сдвинулся в сторону, перекрывая узкий проход:

— Как-то неискренне звучит.

— А тебе не все равно? — Шэнь Нянь посмотрел на мальчишку сверху вниз. Тот был моложе на два года и едва доставал ему до груди. — Тебе же плевать.

Гу Чжи пару секунд молча всматривался в его глаза, после чего вдруг искренне, по-детски рассмеялся:

— Ой, как же быть, брат Няньнянь? Мне ведь прямо жалко с тобой расставаться! Из всех моих знакомых ты один видишь меня насквозь. Да и издеваться над тобой веселее всего.

Шэнь Нянь больше не удостоил его ни единым словом и, легко отпихнув мальчишку плечом, вышел из умывальницы.

<http://bllate.org/book/20601/2131300>